

исхожденіи ея въ завѣщаніяхъ не упоминалось. Послѣ коронованія внука Ивана III князя Димитрія Ивановича (1489 г.) эта самая «золотая шапка» является подъ именемъ Мономаховой во время коронованія царя Іоанна IV. Тождество послѣдней съ «золотой шапкой» вполне доказывается сличеніемъ текста ея описанія, сдѣланнаго Герберштейномъ, съ шапкой нынѣ существующей. Въ заключеніе г. Филимоновымъ была высказана мысль, что археологія и на этотъ разъ идетъ рука объ руку съ послѣдними изслѣдованіями исторической критики, и если Мономахова шапка носитъ на себѣ несомнѣнные признаки происхожденія арабскаго искусства, а не византійскаго, она останется всегда высокочтимую святыней для русскаго народа и памятникомъ начала объединенія Россіи, а равно и того, что ею короновались всѣ цари, начиная съ Іоанна Васильевича и до принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула (Протоколы Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1897 г., стр. 61—62).

Къ вопросу о вліяніи византійской литературы на славяно-русскую. Въ томъ же Обществѣ членомъ-соревнователемъ г. Истринымъ было сдѣлано сообщеніе «Объ откровеніи Меѳодія Патарскаго въ византійской и славяно-русской литературахъ». Откровеніе Меѳодія Патарскаго въ византійской литературѣ наблюдается въ четырехъ редакціяхъ. Первая редакція, воспользовавшаяся уже старыми матеріалами, распространила картину ужасовъ отъ измаильтянъ. Списки ея распадаются на двѣ группы, различіе между которыми отразилось въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и въ славянскихъ переводахъ. Вторая редакція отличается отъ первой выпускомъ исторической части и вставками изъ «Видѣній Даніила». Особенность второй группы первой редакціи — сказаніе объ осадѣ Византіи — перешла и въ нее. Третья и четвертая редакціи возникли независимо другъ отъ друга и отъ второй редакціи изъ первой. Онѣ также отличаются отъ первой своими сокращеніями, распространеніемъ картины второго пришествія Христа и носятъ на себѣ слѣды вліяній со стороны особыхъ редакцій «Видѣнія Даніила». Временемъ возникновенія II—IV редакцій можно считать приблизительно IX—XII вѣка, время особеннаго развитія прорипательной литературы. Послѣ этого интересъ къ Откровенію пропадаетъ и оживляется вновь съ половины XV вѣка, со времени паденія Византіи, когда въ Откровеніи стали находить утѣшеніе въ скорби о потерѣ самостоятельности. На латинскій языкъ Откровеніе было переведено не позднѣе VIII вѣка и оно распространилось тамъ въ особой краткой редакціи, представляющей собою передѣлку полной. Тамъ интересъ къ Откровенію, наоборотъ, проявляется въ XI—XIV вѣкахъ. На славянскомъ языкѣ существуютъ два перевода, извѣстныхъ и въ славянскихъ и русскихъ спискахъ. Славянскіе списки въ большинствѣ случаевъ — списки древніе, а русскіе — новые. Хотя Откровеніе у насъ на Руси было извѣстно еще въ XII вѣкѣ, но особенное распространеніе оно стало получать съ XVII вѣка, со времени появленія раскола. Въ XV вѣкѣ ожиданіе приближающагося конца міра вызвало появленіе особой

интерполированной редакціи, съ заимствованіемъ изъ многихъ источниковъ. Не будучи особенно раскрашенной въ XVI вѣкѣ, она пришлась по вкусу раскольникамъ, и потому наиболѣе сильное распространеніе ея также падаетъ на XVII и XVIII вѣка (тамъ же, стр. 32—33).

Кандидатскія сочиненія на темы изъ области византиновѣдѣнія въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. На страницахъ нашего журнала уже было сообщеніе о сочиненіяхъ по византиновѣдѣнію въ русскихъ духовныхъ академіяхъ (московской, казанской, кіевской и петербургской) [Виз. Врем., т. II, в. 1 и 2, стр. 313—315]. За послѣдніе годы къ прежнимъ работамъ присоединились новыя, которыя также почитаемъ возможнымъ здѣсь отмѣтить, въ виду ихъ научнаго значенія и трудности пользованія ими для постороннихъ.

I. Въ *Московской* духовной академіи въ теченіе 1895—1897 учебныхъ годовъ были представлены для полученія ученой степени кандидата богословія слѣдующія рукописныя сочиненія, имѣющія отношеніе къ византологіи.

1. Димитрій Брянцевъ, *Царствованіе императора Алексѣя I Комнина въ церковно-историческомъ отношеніи. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія*. Сочиненіе г. Брянцева состоитъ изъ предисловія, введенія и шести главъ изслѣдованія. Въ предисловіи авторъ раскрываетъ значеніе царствованія императора Алексѣя I Комнина (1081—1118 г.) и задачу своего изслѣдованія, ограничивая послѣднюю изложеніемъ событій внутренней жизни церкви и имперіи византийской за это царствованіе и не касаясь даже такихъ крупныхъ событій внѣшней жизни и отношеній той и другой, какъ первый крестовый походъ (1096 г.), или попытки къ соединенію церквей — восточной и западной, въ коихъ Алексѣй Комнинъ принималъ большое и живое участіе. Во введеніи авторъ излагаетъ событія изъ жизни Алексѣя Комнина, предшествовавшія воцаренію его, и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о родѣ Комниновъ. Шесть главъ изслѣдованія заключаютъ въ себѣ слѣдующее: 1) Вступленіе Алексѣя Комнина на престолъ; обстоятельства этого событія и первые шаги Алексѣя какъ императора. 2) Патріархъ Евстратій Гарида; Левъ, митрополитъ халкидонскій, и его дѣла. 3) Ипать философовъ Іоаннъ Италъ. 4) Избраніе на патріаршество Николая III Грамматика; окончаніе дѣла Іоанна Итала; продолженіе и окончаніе дѣла Льва, митрополита халкидонскаго. 5) Исторія отношеній императора Алексѣя къ павликианамъ и богомиламъ; вѣроученіе и нравоученіе богомиловъ. 6) Великое паденіе аеонскихъ монаховъ; болѣзнь и смерть патріарха Николая Грамматика; краткая характеристика этого патріарха; Евстратій, митрополитъ никейскій, и его заблужденія. По отзыву профессора г. Корсунскаго, трудъ г. Брянцева представляетъ зрѣлый и хорошо продуманный опытъ ученаго церковно-историческаго и притомъ именно «историко-критическаго» изслѣдованія, потребовавшій отъ автора большой затраты силъ и времени на предварительное изученіе обширной литературы предмета, иностранной (на